

ДО 300-РІЧЧЯ Г.С. СКОВОРОДИ

комунікація / Щорічний науково-практичний філософський журнал. – Харків: ХНТУСГ ім. Петра Василенка, 2009. - №1, С. 156-159.

3) Див.: Абашнік В.О. Новітнє німецьке дослідження творчості Г.С. Сковороди // Філософія спілкування: Філософія, Психологія, Соціальна комунікація / Щорічний науково-практичний філософський журнал. – Харків: ХНТУСГ ім. Петра Василенка, 2009. - №2, С. 177-181.

4) Для наступного розгляду основних положень цієї дисертаційної роботи я користувався її тезовою версією на англійській мові. При цьому цитати та окремі слова або словосполучення в «лапках» - це пряма мова японського автора Яйойі Уто (Yayoi Uto) у вказаних англійських тезах. Дана тезова версія, яка останній раз була перевірена мною 4 листопада 2010р., доступна за наступною адресою електронного каталогу бібліотеки Токійського університету іноземних студій (Tokyo University of Foreign Studies, Japan): http://www-lib.tufs.ac.jp/cgi-bin/opc/opac_detail.cgi

5) Ось повні бібліографічні дані цих російськомовних монографій: 1) Бобринской П.А. Старчик Григорий Сковорода: Жизнь и учение. - Парижъ: Книжный Магазинъ "Возрождение", 1929. - 82 с., [1] л. портр.; 2) Лощиц Ю.М. Сковорода. – Москва: Молодая гвардия, 1972. – 224с. (Серия «Жизнь замечательных людей»); 3) Барабаш Ю.Я. «Знаю человека...»: Григорий Сковорода. Поэзия. Философия. Жизнь. - Москва: Художественная литература, 1989. - 333, [2] с., [1] л. портр.

б) Тут і далі див. посилання на електронний ресурс у примітці №4.

Abashnic O. V. Modern Skovoroda Studies in Germany and Japan.

УДК 141.4

Вандышев В.Н.

ОДИН ВЕЧЕР ИЗ ЖИЗНИ ФИЛОСОФА

У формі бесіди з учнем художними засобами викладено авторське бачення деяких філософських поглядів Г. С. Сковороди. В процесі бесіди мислитель згадує свої зустрічі та дискусії з професором В. Чепичем, які вплинули на формування його світогляду.

Ключові слова: гороскоп, призначення, наука, знання, мудрість, навчання, відповідальність людини.

В форме беседы с учеником художественными средствами изложено авторское видение некоторых философских взглядов Г. С. Сковороды. В процессе беседы мыслитель вспоминает свои встречи и дискуссии с профессором В. Чепичем, повлиявшие на формирование его мировоззрения.

Ключевые слова: гороскоп, предназначение, наука, знание, мудрость, учеба, ответственность человека.

In the form of conversation with a student the author exposes the vision of some H. S. Skovoroda's philosophical views by artistic facilities. In the process of conversation the thinker recollects meetings and discussions with professor V. Chepich that have influenced on the formation of his worldview.

Keywords: horoscope, destiny, science, knowledge, wisdom, studies, responsibility of a man.

ДО 300-РІЧЧЯ Г.С. СКОВОРОДИ

На исходе 1763 года, сидя на низенькой скамейке возле жарко натопленной печи в одном из жилых помещений Харьковского коллегиума, Сковорода вёл неторопливую беседу с одним из юных любознательных учеников своих. Благостное тепло от «грубки» резко контрастировало с холодной дождливой погодой за окном. Зима трудно вступала в свои права: временами резкие порывы ветра вдруг обращали сыплющийся с неба снег в мелкий назойливый дождь. Вслушиваясь в шум ветра и дождя за окном, Григорий Саввич неторопливо отвечал на многочисленные вопросы Прокофия. В какой-то момент Григорий Саввич достал откуда-то из потайного кармана лист плотной бумаги, бережно разгладил его, замолк и задумчиво улыбнулся. Судя по внешнему виду пожелтевшего и сильно потёртого на сгибах листа, он многократно подвергался внимательному изучению и представлял для старчика немалую ценность. В центре листа был изображён большой квадрат, внутри которого находился меньший. Соединялись эти квадраты одинаковой формы треугольниками. Вокруг главного рисунка находились многочисленные заметки, написанные мелким каллиграфическим почерком. Было очевидно, что заметки делались автором в разное время.

Помолчав некоторое время, юноша обратился к учителю:

– Что значит сей гороскоп, Григорий Саввич?

– А значит он то, что одной ночью в начале декабря одна чудесная женщина принесла миру младенца. И когда спустя немного времени, придя в себя, молодая мать посмотрела в окно, она увидела узкий серп уходящей Луны. И почувствовала она, что младенец её не надолго задержится в отчем доме. И ещё, её материнское сердце подсказало ей, что уйдёт он по широкой мирской дороге, и как и эта Луна, уходящая в никуда по вечной своей вселенской дороге, никогда не вернётся в отчий дом.

– Почему так, Григорий Саввич? Почему почувствовала и почему не вернётся сей сын в отчий дом? Да и Луна-то ведь движется по пути извечному, по пути известному. Значит, что и ваш путь известный?

Сковорода внимательно взглянул на юношу:

– Родительница рассказывала мне... Помню, мы прощались, я уходил на учёбу в Киево-Могилянскую Академию... Она вспоминала как в ночь моего рождения тихо падал мелкий снег, как благоденствовала природа, как переживала мать за моё будущее, какие виделись ей образы...

– Ну я думаю, что образы ей виделись ясные, правда ведь, Григорий Саввич? А гороскоп, что предвещает сей гороскоп ваш? Можно мне на него взглянуть?

– Всякий гороскоп предвещает многое хозяину его, но дело в том, чтобы суметь понять самому свою долю, своё предназначение, – заметил Сковорода, неторопливо и бережно складывая лист и возвращая его на место.

– Но вы-то, вы, Григорий Саввич, вы поняли его? И почему вы сейчас доставали свой гороскоп, что вы хотели увидеть?

– Любопытен ты, Прокофий! Но это и неплохо. А увидеть я хотел, где я буду встречать свой очередной год рождения. Но этот образ, – это уже моя судьба и моя тайна.

– Извините, учитель, я понял вас. А вот у меня с генетлиалогией никак не получается. Да нам её и преподавали-то кое как.

Григорий Саввич внимательно посмотрел на Прокофия:

– Да, ныне астрологией у нас не восхищаются... А зачем пастырю сия наука? Суета и ненужное беспокойство... А так, глядишь, и до епископа дослужишься.

– Не хочу я быть епископом, а хочу быть мудростию подобным вам, готов много учиться, да вижу, что в здешнем коллегиуме мечтам моим сбыться не суждено, – с грустью умозаключил юноша.

ДО 300-ЛІТТЯ Г.С. СКОВОРОДИ

– Вот этого не надо. Если поступки твои будут разумными, если ты будешь настойчив и доброжелателен к другим, если воля к знанию будет превыше всего, быть тебе истинным учителем. Но помни: ибо как лекарства не всегда приятны, так и истина часто бывает суровой. И нет таких, которые бы всегда полезное сочетали с приятным. А следовало бы учиться этому...

– Но епископом быть не хочу!

– Ты обиделся на мои слова. Но не будь категоричен: умный епископ может сделать много полезного и в своём служении Господу, и для развития просвещения и науки. Я бы хотел, чтобы Харьков прославился как город академический... А кто это сделает, а когда?..

Прокофий замолчал, подошел к окну, по стеклу которого стекали капли воды.

– Григорий Саввич, я буду стараться. Еще я заметил на листке пометки, но увидел я и то, что там несколько раз крупно выделяется цифра три. Это важная цифра?

– Однако наблюдательный ты, хлопче. Все числа одинаковы, хотя, конечно, для разных людей имеют разное значение. Ты обратил внимание на тройку... Да, это важное для меня число. Да и то, подумай, родился я третьего декабря, декабрь – двенадцатый месяц и тоже тройка, а 1722, подсчитай, тоже сводится к тройке. Так что родился я под числом три.

– Я слышал, – это так по Пифагору? Но почему 3 декабря? Ведь родились вы сегодня, в ноябре?

– Я беру по общепринятому европейскому исчислению времени, понимаешь?

– Да, теперь понимаю. Но эта тройка как-то в вашей жизни сказывается?

Григорий Саввич улыбнулся:

– Играет, ещё как играет! Не забывай, что три тройки – это девятка, число совершенное.

– А ещё, Григорий Саввич, я хотел бы научиться говорить так ладно, так уместно и так убедительно, как вы.

Сковорода, продолжая улыбаться, ободряюще заметил:

– Многого ты желаешь, но и это возможно. Есть такая наука, риторикой называется. В библиотеке коллегіума есть трактаты по риторике. Почитай.

– Риторика, – задумчиво произнёс Прокофий. – А что сия наука значит? Можно ли постигнуть её без учителей?

– Без учителей, наверное, непросто, – в свою очередь задумался Григорий Саввич. – Риторика – это особое искусство, соответствующее диалектике, так как обе они касаются тех предметов, знакомство с которыми может некоторым образом считаться общим достоянием всех и каждого. И риторика, и диалектика не относятся непосредственно к области какой-либо отдельной науки. А по большому счету все люди некоторым образом причастны обоим искусствам, так как всем в известной мере приходится как разбирать, так и поддерживать какое-нибудь мнение, как оправдываться, так и обвинять.

– И что, поддерживать и отрицать, оправдываться и обвинять можно одинаково легко? – удивлённо переспросил Прокофий.

– Да. Но всё дело в том, что в этих случаях одни поступают случайным образом, другие же действуют согласно со своими способностями, развитыми привычкой. Так как возможны оба эти пути, то, очевидно, можно возвести их в систему. Ведь мы можем рассмотреть, вследствие чего достигают цели как те люди, которые руководствуются привычкой, так и те, которые действуют случайно. Понятно, что подобное исследование – это дело искусства. А всякому искусству следует настойчиво учиться. Тебе сие понятно?

ДО 300-РІЧЧЯ Г.С. СКОВОРОДИ

– Понятно, – поблагодарил Прокофий учителя за доброе слово к нему и отправился на вечернюю молитву.

А Григорий Саввич снова достал свой гороскоп и предался размышлениям. Взгляд его остановился на пятой обители, где его приветствовала Венера, свидетельствуя об уладах, могущих быть полученными от глубокой науки. Гармоничный к Венере Меркурий из обители писательского труда и недалгих путешествий напоминал о том, что пришло время размышлять над тем, что предвещает ему образ «прохожего». Гармоничная карта рождения и радовала и печалила мыслителя. Анализ показывал, что успех неотвратим, но кому в этой стране нужен его интеллект, его талант? В то же время стеллиум Солнца, Юпитера и Сатурна, расположенный в углу, именуемом *Mezembria*, понуждал к выводам категоричным: надо оставаться на Слобожанщине. Ибо только здесь, только на Слобожанщине будет его успех, здесь судьба его будет реализована наиболее гармонично. Венера благоприятно аспектировала угол *Gloria Deus*, она же и управляла им, что могло обещать духовную благодать и славу и покровительство высших сил. А угол, именуемый *Arctos*, указывал на ту сферу, в которой его могут ждать почести и успех.

Вспомнил Сковорода, что писал год назад своему любезному юному другу Михайлу Ковалинскому: «*Stellaque, quae sanctis dux erat ante magis!*!». И внутренним взором видел он как волхвы шли принести дары одному из тех, кто рождён был в священном племени, в племени избранных. Ещё раз развернул свою натальную карту Сковорода, явно видя себя среди достойных быть посвящёнными в самые глубокие тайны всех миров.

Знание, мудрость, истина, путь мыслителя... – вот что уже много лет занимало философа. И прекрасное небо, на котором сияет слава Христа, тревожило, вдохновляло, умиротворяло философа. Но что есть знание?

Казалось, ответ лежал на поверхности. Скольких человек, жаждущих знания, повидал он на своём пути. Были среди них и те, кто кичился таковым, профессорствуя или проповедуя с церковных кафедр; были и те, кто вдохновенно переступали порог Могилянської Академії, рассчитывая с искренней верою схватить отпущенную им долю; были и те, кто, делая вид, что ищет знания, соискал тёплое место в церкви Христовой; были и те, кто рванувшись было с места в карьер, быстро остывали, впадая в пьянство и блуд; были и те, кто будучи «от истины», стали для Григория учителями и духовными ориентирами.

Почему одно и то же знание даётся многим, но воспринимается ими столь неодинаково, приносит столь отличные результаты? И неужели прав был краковський ректор Пётр Гашовец, который в своём «*Canones tabularum*», оценивая разные способности учеников, однозначно утверждал о материальности знания? – вот над чем думал ранее многожды и задумался вновь философ в этот вечер.

Сковорода вышел на улицу. Мороз явно усиливался. Холодный ветер нёс в лицо его заряды снега; похоже, что зима начала, наконец, брать своё. Поплотнее укутавшись он прошелся по двору, постоял возле молоденьких елей, которые на глазах всё более превращались в заснеженные пирамиды.

Помешали ли мне обретаť искомое мною знание? – снова задумался Сковорода. Не всегда помогали, порой препятствовали. Но я работал, а тому, кто работает помешать нельзя...

Вспомнились и жаркие споры с Вацлавом Чепичем, старым профессором Карлова университета в Праге, который много сделал для становления его учёным и мыслителем, о чём всегда с благодарностью вспоминал Григорий Саввич. Ему много и часто Сковорода задавал вопросы о сущности знания:

ДО 300-ЛІТТЯ Г.С. СКОВОРОДИ

– Есть люди, которые обладают тайным знанием, но не желают, чтобы оно перешло в общий поток жизни ради более успешной борьбы со злом, – заметил Чепич.

– Почему так? – спросил Григорий.

– Если ответить коротко, то здесь могут быть два ответа. Первый ответ можно свести к тому, что это знание вовсе и не скрыто. Второй ответ более категоричен: по своей природе это знание не может стать общим достоянием. С какого ответа начать? – спросил профессор Григория.

– Со второго!

– Хорошо. Важно понять, что тайное или древнее знание не может принадлежать даже многим, не то что всем. Это – закон, потому что знание, как и всё в этом мире, материально. Поэтому знание характеризуется всеми атрибутами материальности, среди которых и условие предела: в данном месте и при данных условиях количество знания ограничено. И морская вода, и песок пустыни, и волосы на голове человека – всё исчислено. То же и со знанием.

– Каждая эпоха, каждое столетие имеет свой объём знания? – перебил Чепича Скворода.

– Верно, и это мы можем увидеть даже просто наблюдая жизнь. Материя знания имеет разные свойства в зависимости от того, в каких количествах она берётся. Знание, воспринятое одним человеком в данном месте в больших количествах, даёт чудесные результаты. Если же знание в небольших количествах воспринято множеством людей, то оно может не то, что не дать никаких результатов, оно может даже иметь негативные последствия.

– В наше время не так много людей получают знания, обучаясь в университетах и колледжах, – задумался Скворода. – Но что станется, если университеты и колледжи станут доступными для обучения миллионам людей?

Нисколько не задумавшись, профессор ответил:

– Это можно спрогнозировать уже сегодня. Если некоторое количество знания распределить между миллионами людей, каждый получит очень мало, и это небольшое количество знания ничего не переменит ни в жизни каждого из них, ни в их понимании сути вещей. Хуже того, они будут себе искать кумира, авторитет, на которого они могут положиться. Иисус призывал опасаться лжепророков, и они придут, увы, придут.

– И сколько бы людей не получило это небольшое знание, в их жизни ничего не изменится, – повторил Григорий. – А не станет ли жизнь более трудной?

– Станет! Потому что материя знания будет с каждым поколением лишаться какой-то доли духовности, которая как раз и привносит устойчивость и осмысленность человеческому существованию в мире, – поддержал Григория Вацлав Чепич, старый профессор Карлова университета в Праге. – Гораздо выгоднее для человечества, чтобы знание хранилось среди узкого круга людей...

– Справедливо ли, господин профессор, что огромной массе людей может быть отказано в знании, чтобы другие могли получить большую часть его?

– На первый взгляд теория наша кажется несправедливой, незаслуженно лишая многих знания, делая их жизнь более печальной и тяжелой, нежели она могла бы быть.

– Я тоже об этом подумал, – сказал Скворода.

– Но ты не подумал о том, что судишь о их положении ты, человек далекий от плебса, человек высокообразованный, знающий несколько языков, ищущий истины, сакрального знания, – резко заметил профессор. – А между тем, обстоятельства совсем не таковы. На деле огромное большинство людей не желает никакого знания, на деле эти люди отказываются даже от своей доли знаний. Посмотри на этих людей во времена массовых безумств, каковы войны, восстания и прочее. В подобных ситуациях люди точно теряют даже те крупинки здравого смысла, которые им свойственны в

ДО 300-РІЧЧЯ Г.С. СКОВОРОДИ

обыденной жизни, они становятся автоматами, огромными массами отдаваясь полному уничтожению, теряя даже животный инстинкт самосохранения.

– Если знание материально, куда же оно девается в эти драматические и убийственные для многих времена? – почти механически спросил Григорий.

– Оно может быть распределено среди тех, кто понимает его ценность. В этом нет ничего несправедливого, получающие знание не присваивают чужого, они берут лишь то, что отвергнуто другими. Иногда возникает необходимость собирать знание. Показательно и то, что работа по собиранию рассеянной материи знания часто совпадает с началом разрушения и крушения культур и цивилизаций.

– Данный аспект вопроса теперь мне ясен, – сказал Сковорода. – Ясно мне, что толпа не желает знания и не стремится к нему, а поводыри её в собственных интересах ищут средства усилить страх толпы перед всем новым и неизвестным, воспитывая нелюбовь к новому...

Профессор Чепич с одобрением выслушал Григория и ободряюще смотрел на него. Григорий почувствовал, что надо задавать вопросы и дальше. И он спросил профессора:

– Возможно ли достаточно определённо предвидеть катастрофы, удачи и трагедии в жизни отдельных людей и народов?

– Возможно, и даже очень точно. Для этого есть наука, генетлиалогия называется. Ты учился в Киевской Академии, там этому учат?

– Да, я учился науке о звёздах, – подтвердил Григорий. – И свой гороскоп я сделал.

– Покажи, – потребовал профессор.

– Но гороскоп, это... – замялся Григорий.

– Твой гороскоп написан у тебя на лбу, – улыбнулся Вацлав Чепич. – Великолепный гармоничный треугольник. А Вита у тебя в знаке служения, правда?! И писателем будешь знатным. Продолжать?

Григорий молча достал из кармана свой рисунок натальной карты и подал его профессору. Внимательно взглянув на карту, профессор вернул её обратно владельцу:

– Приходи ко мне, буду учить тебя. Станешь знатным мантисом!.. Приобретение или передача истинного знания требует огромного труда и больших усилий как со стороны того, кто получает, так и со стороны того, кто даёт. Обладающие истинным знанием, делают всё, чтобы передать это знание возможно большему числу людей, чтобы подготовить их к восприятию истины. Но помни, Григорий, никому нельзя передать знание силой. Желаящий получить знание, должен сам предпринять первые усилия.

– Я приду, я хочу пророчествовать по звёздам!

Профессор одобрительно кивнул головой и помолчав добавил:

– Да, нужно учиться у того, кто знает...

И другой разговор вспомнился Сковороде, когда профессор Чепич под большим секретом дал ему почитать, добытую с невероятным трудом из Лейдена «Человека-машину».

– Ты только подумай, Григорий, вот до чего доходят нынешние философы-натуралисты! Правда, порой они высказывают хотя и страшную, убийственную, но ведь и в значительной мере правильную мысль: человек – это машина. Мне известно, что книгу эту написал врач из Франции – де Ламетри. Почитай, скажешь своё мнение. Это как раз имеет отношение к той теме, что мы обсуждали, о распределении и добывании знания.

Сковорода внимательно читал книгу, остро осознавая, что представления автора о мире, о познании, о человеке и Боге глубоко и принципиально отличны от его

ДО 300-ЛІТТЯ Г.С. СКОВОРОДИ

собственных. Ламетри достаточно аргументировано привлекал в качестве авторитетов не только известных учёных-натуралистов, но и Декарта, который первый блестяще доказал, что животные являются простыми машинами.

Особенно неприемлема была для Сковороды убежденность Ламетри в том, что человеческое тело – это особый часовой механизм, построенный с таким большим искусством и изощренностью, что он способен жить и двигаться даже в случае повреждения или засорения некоторых деталей его. Рычаг всех движений человека автор усматривал в сердце, которое является рабочей частью человеческой машины. Решение же вопроса о *душе* и беспокойство, вызываемое *этой химерой*, полагал Ламетри, должно предоставить невеждам. С изрядной долей фатализма автор книги призывал покориться неизбежному неведению относительно нашей судьбы и нашего происхождения.

Спустя несколько дней Григорий обсуждал с профессором Вацлавом Чепичем философскую подоплеку «Человека-машины»:

– Автор считает, – начал Григорий, – что вполне естественно быть машиной, но при этом чувствовать, мыслить, уметь отличить добро от зла так же, как голубое от желтого, словом, родиться с разумом и устойчивым моральным инстинктом.

– Да, автор этот, безусловно, дерзостью своей отличается. Но он прав в той мере, в которой человек предстаёт перед нами как сложная машина, подобно мушкету либо ветряной мельнице.

– Так он, по вашему мнению, правильно мыслит? – удивился Сковорода.

– По моему мнению, он мыслит ограниченно, – заметил Чепич, – но с точки зрения его атеистической и натуралистической логики, он прав. Правда, он, как и многое другое, поверхностно понял и того, на кого ссылается как на авторитет...

– Вы имеете в виду Декарта, – неуверенно заметил Сковорода.

– Да, я веду речь о Декарте. Окказионализм этого философа как раз и предполагает ответ на вопрос, почему многие, – здесь Чепич несколько задумался и уточнил, – почему в большинстве своём люди лишены интеллекта, действуя как машины, выполняющие весьма ограниченный набор движений, проживая жизнь как несложные автоматы.

– Тогда выходит, что и вы видите в человеке прежде всего мыслящую машину, – засомневался Сковорода.

– Нет, нет, – оживился Чепич. – Здесь надо выбирать чётко: или человек – существо мыслящее, или человек – это машина! Само понятие «мыслящая машина» абсурдно! Все люди, которых ты видишь, все люди, которых ты сможешь узнать впоследствии, – всё это машины, которые работают под влиянием внешних воздействий. Они рождены машинами и умрут машинами.

– Может ли человек перестать быть машиной? – воодушевился Сковорода.

– Это правильный вопрос, – улыбнулся Вацлав Чепич, старый профессор Карлова университета в Праге. – Можно перестать быть машиной, но тогда надо знать машину. Настоящая машина не может знать себя. А машина, которая знает себя – это уже не машина, так как она начинает проявлять **ответственность за свои действия**.

– Что же, человек не ответственен за свои действия? – поспешил задать вопрос Григорий.

– **Человек**, – резко подчеркнул это слово Чепич, – ответственен. Но вполне ли отвечает за свои слова Ламетри? Подумал ли он о том, сколько смуты, неуверенности и отчаяния он вносит своей работой во многие ищущие души?

– И что же тогда?

– А тогда... А тогда, – он сам просто машина.

ДО 300-ЛІТТЯ Г.С. СКОВОРОДИ

Пронесшиися в голове воспоминания ободрили, вдохновили, настроили Григория Саввича на радостный лад. Он в очередной раз вышел во двор вдохнуть свежего воздуха. Мороз явно усилился, небо прояснилось, ветер утих, и только реденькие пушистые снежинки падали с неба. Юпитер ярко блистал посередине неба среди созвездия Тельца, точно о чём-то переговариваясь с переливающимся красно-синими цветами Альдебараном. Мерцающие сонмища звёзд веселили сердце мыслителя, внося покой в его душу.

Спустя непродолжительное время Григорий Саввич вернулся в помещение. Подбросил дров в грубку, прилёг на кровать, но сон всё не приходил, в голове по-прежнему роились мысли и смутные образы то ли из прожитого, то ли из прочитанного. Подумал о своём юном друге, с которым встречался утром. Подумал, что уместно было бы именно с ним и именно в эту ночь поделиться сокровенным. Философ встал с постели. Зажёг свечу. Достал лист бумаги и начал выкладывать свои мысли чёткой вязью латинских и греческих слов:

**«Мир дому наидражайшего Михаила!
Когда-то в эту ночь родила меня мать на свет.
В эту ночь появились первые признаки моей жизни.
В другую ночь, Христе, боже мой,
Во мне родился твой, святой дух,
Ибо напрасно родила бы меня мать,
Если бы ты не родил меня, о свет мой, жизнь моя!**

Вернувшись в свой музей и вспомнив о дне своего рождения, о котором напомнил мне один друг и собственная память, я начал думать о том, как наполнена несчастьями жизнь смертных. Мне показалась совсем не бессмысленной чья-то догадка, будто только что рожденное дитя сразу же начинает плакать потому, что уже тогда оно точно предчувствует, на кие беды придётся ему впереди наражаться.

Размышляя об этом наедине, я решил, что неприлично мудрецу ту ночь, когда он, родившись, начал плакать, отмечать бокалами или какой-то иной бессмыслицей; напротив, я и теперь едва не заплакал, думая о том, какое это несчастное творение человек, которому в этом киммерийском сумраке мирской глупости не блеснула искра света Христового.

[...]

**Будь здоров, наидражайший из всех!
Твой сотоварищ по учёбе Greg. S.
Novembr 22, 1763, noctu».**

Vandyshev V. N. One Evening from the Life of Philosopher.